

Мат в три хода

© 1990

Ф. Н. ИЛЬЯСОВ

(опыт социологического исследования феномена нецензурной брани)

**Ильясов
Фархад
Назипович —**

*кандидат
философских наук,
научный сотрудник
Отдела философии и
права АН
Туркменской ССР*

В последнее время, по сравнению с 60-ми годами по сравнению с 60-ми годами, значительно расширился, так сказать, социально-демографический состав любителей непечатных выражений. Уже не приходится говорить об «отдельных социальных слоях», представителей которых можно было безошибочно вычислить по виртуозности владения бранной лексикой. Матерятся артисты и таксисты, ученые и слесари, врачи и воспитательницы детских садов. Конечно, и сейчас можно выяснить, у кого процент «матовости» выше — у военных или, например, строителей. Обнаружится, наверняка, и корреляция «матоупотребления» с показателями образа жизни. Вполне естественно ожидать, что мат больше распространен среди тех, кто занят на тяжелых или монотонных участках работы, и что плохая организация труда способна усилить сквернословие. Важно, однако, другое: мат не является ныне «привилегией» определенных профессиональных групп. Потеряли свое бывшее сомнительное «преимущество» в этой области и мужчины. Но не потому, что сдали позиции — просто женщины здесь преуспели, добились «равенства», а порой и подкованы по этой части лучше, чем сильный пол.

Что касается возрастных границ, то они тоже сильно раздвинулись, во, всяком случае, в начальной школе многие узнают матерные слова, в пятом классе идет процесс активного усвоения, а в шестом некоторые ученики (в том числе девочки) уже «грамотно» используют табуированную лексику в повседневном общении.

За последние годы ещё более развилась другая давняя «традиция» — неискоренимое племя «настенных» писателей с негаснущим энтузиазмом реализует своё «нравственно-эстетическое» кредо, выводя нецензурщину на заборах, скамейках, деревьях, в туалетах, лифтах. В ход идёт все, что есть под рукой — от обгорелой спички до сварочного аппарата. Что движет людьми, заставляя их выплескивать мат письменно, а главное, безадресно? Зачем им это нужно?

Кстати, из мата в письменном «варианте» предпочтение обычно отдается пресловутым «трем буквам». Их соседство с двумя другими популярными сюжетами «наскальной» письменности: «Здесь был Вася» и «Вася + Маша = любовь», думается, не случайно. Что-то, вероятно, объединяет их авторов. По крайней мере здесь угадывается не просто низкая культура или хулиганские побуждения.

А как же искусство? Отражает ли оно этот социолингвистический феномен? В кино и на театральной сцене матерятся, как в жизни, да и в речи литературных героев нет-нет да и промелькнёт прежде непечатное словцо. Некоторые не ограничиваются констатацией дан-

ного факта и задаются вопросом: «может, это действительно исконно русские слова, почерпнутые у В. Даля, а мы их почему-то замалчиваем, не употребляем официально?»¹

В словаре В. Даля приведено несколько значений слова «мат». Наиболее близкое к предмету, который мы рассматриваем, следующее: «крайне гибельное положение, беда и конец». Но это скорее отражение того, что мат — худшее из ругательств, брань, к которой прибегают в тяжелой или, как сейчас говорят, стрессовой ситуации. Однако при таком подходе рамки проблемы значительно расширяются — речь идет вообще о сквернословии. Даль даёт объяснение и слову «матерщина»: «похабство, мерзкая брань». С. Ожегов трактует мат как «неприличную брань».

Итак, мат — это брань, причем непристойная, мерзкая (хотя и не всякая мерзкая брань есть мат). Каково же различие между просто бранью и бранью мерзкой? Где водораздел между ними? Пожалуй, сразу выделить критерий, по которому можно произвести подобную классификацию, не удастся. Попробуем сначала вычленить тот круг понятий, совокупность которых принято обозначать «матерными» словами. Всего таких групп четыре и обозначают они: мужской половой орган; женский половой орган; половой акт; лиц, повышенная половая активность которых выходит за рамки приличий. В реальном языковом поведении последняя группа слов встречается в любом контексте: идет ли речь о песчинке, попавшей в глаз, или о богохульстве.

«Мерзкими» делает эти слова не их смысл, а особая эмоционально-экспрессивная окраска, «выразительность», которая заключается в отчетливой референции к половым реалиям. Те же понятия можно передать другими, нейтральными словами. Вспомните В. Высоцкого:

В запале я крикнул им: «Мать вашу, мол!»,
Но кибернетический гид мой
Настолько дословно меня перевел,
Что мне за себя стало стыдно.

К сожалению, рассматриваемый феномен не нашел отражения в исторических хрониках или иных официальных документах. Очень мало и соответствующего социологического материала, на основании которого можно было бы описать тенденции в развитии данного явления. Частично сюжет «мат и история культуры» освещен в монографии И. С. Кона «Введение в сексологию», однако опросы на подобные темы неизвестны. Единственным источником информации остается художественная литература, на которую дальше я и буду ссылаться.

В поэме А. Полежаева «Сашка», весьма в свое время популярной, обилие многоточий указывает на пропуски слов именно такого толка. Например:

Но вот темнее и темнее.
Народ разбрелся по домам.
«Извозчик!» — «Здесь, сударь» —
«Живее! Пошел на Сретенку к...».

Памятуя, что на старинной московской улице располагались известные «сервисные службы» и исходя из рифмы и размера, нетрудно догадаться, о чем, а вернее, о ком идет речь и какое слово здесь подразумевается.

Конечно, А. Полежаев не самый безупречный нравственный образец. Обратимся к одному из крупнейших этических авторитетов, Л. Н. Толстому. Вот как М. Горький описывает совместную прогулку с А. П. Чеховым и Л. Н. Толстым: «Сегодня в миндальной роще он (Л. Толстой.— Ф. И.) спросил Чехова:

— Вы сильно распутничали в юности?

А. П. смятенно ухмыльнулся и, подергивая бородку, сказал что-то невнятное, а Л. Н., глядя в море, признался:

— Я был неутомимый ...

Он произнёс это сокрушенно, употребив в конце фразы солёное мужицкое слово. Тут я впервые заметил, что он произнёс это слово так просто, как будто не знает достойного, чтобы заменить его. И все подобные слова, исходя из его мохнатых уст, звучат просто, обыкновенно, теряя где-то свою солдатскую грубость и грязь. Вспоминается моя первая встреча с ним, его беседа... С обычной точки зрения речь его была цепью «неприличных» слов. Я был смущен этим и даже обижен; мне показалось, что он не считает меня способным понять другой язык. Теперь понимаю, что обижаться было глупо»².

«Мужицкое» — определяет М. Горький пропущенное слово и далее — «солдатская грубость и грязь». Действительно, мат в то время был в большем ходу среди таких социальных групп, как солдаты и крестьяне, которые, как

¹ См. Данилов А. Grimасы гласности? Литературная газета. 1988. 23 марта.

² Горький А. О литературе. М., 1953. С. 182.

известно, иностранными языками не владели. Следовательно, есть основания предполагать, что русский мат — феномен отечественной культуры. Сошлюсь и на свидетельство историков. «Матерная брань,— отмечает С. С. Шашков,— неумолкаемо оглашала собою русскую землю. «У москвитян,— говорит Олеонарий,— постоянно на языке матерных и сквернословных брани и выражения, которыми бранятся не одни только взрослые и старые люди, но и самая дети, знающая эти выражения прежде, чем они узнают название Бога, отца и матери; такая срамная брань одинаково употреблялась как родителями против детей, так и детьми против родителей». Даже женщины и девицы следовали общему обыкновению. Даже «злонравии священники в церкви и св. алтаре сквернословили, матерно бранящиеся...»³.

Зададимся теперь вопросом: можно ли утверждать, что мат немодифицируемое, статичное явление? Приведу пример из туркменского языка. В стихах Махтумкули, написанных почти два века назад, не было многоточий, нет купюр в его стихах, воспроизведенных и 100 лет назад. Однако в современных изданиях некоторые слова опущены — они стали неприличными. Таким образом, канонизирование ругательств — процесс исторический. Сквернословие (в том числе мат) обладает динамикой. Нейтральные слова со временем могут стать бранными. (В данном примере речь идет о переходе нейтральных слов в разряд неприличных, но не матерных. В тюркских языках мат возник гораздо раньше: он описан еще в XI веке в словаре тюркских наречий Махмуда Кошкарского).

Эволюцию брани иллюстрирует метаморфоза, которую претерпело характерное русское слово. В 1983 г. я опросил 60 стажёров и аспирантов академических институтов Москвы. Всем задавался один вопрос: «Знаете ли Вы смысл слова «хер»?» (Статистическая достоверность здесь менее важна, чем проникновение в восприятие якобы нецензурного слова). «Прекрасная половина», как правило, смущалась и конфузилась, а некоторые девушки выражали возмущение, чувствуя себя оскорблёнными. Большинство же откровенно признавались, что усматривают прямую связь с пресловутыми «тремя буквами» и видят разницу лишь в том, что данный вариант несёт не столь экспрессивную окраску. По мнению многих, расхожая конструкция с этим словом эквивалентна фразе «пошел к черту», только в более грубой форме.

Между тем «хер» — это название буквы «х», которая включена в кириллицу, одну из первых славянских азбук, созданную в IX веке. Как объясняет В. Одоевский, в первой половине XIX века переносный смысл слова «хер» — «пьяница, забулдыга». Неуловимый переход от вполне безобидного к неприличному слову, смысл которого именно так и воспринимается сегодня многими, произошел всего за несколько десятилетий — уже в начале нашего века. В известном стихотворении С. Есенина оно «закодировано» многоточием:

«Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошли их ...
Не умру я, мой друг, никогда».

Пример из словаря Даля «у него ноги хером» сейчас правильно поймут далеко не все. А вот популярность глагола «похерить» в значении «перечеркнуть накрест» возрождается, правда, производят его с некоторым вызовом.

Как отмечал М. М. Бахтин, «у всех современных народов есть ещё огромные сферы непубликуемой речи, которые с точки зрения литературно-разговорного языка, воспитанного на нормах и точках зрения языка литературно-книжного, признаются как бы несуществующими»⁴. Мат распространен практически повсеместно, а корни его уходят в доисторические времена. Это явление не просто «филологическое», оно порождено сложными механизмами развития общества и смыкается с социальной сферой.

Интересно проследить изменения, которые претерпели сексуальная символика и атрибутика с глубокой древности до наших дней. Среди различных примитивных верований особую роль играл фаллический культ. Выражался он в обоготворении половых органов (именно они отождествлялись с божественным началом), их реалистические или символические изображения возводились в ранг «святых ликов». Как и положено во всякой религии, им поклонялись, причем формы выражения такого поклонения были самыми различными — от жертвоприношений, эксцессов сладострастия и общественного проституирования до периодического воздержания, аскетизма и даже самооскопления. В Древнем Риме изображения фаллоса из бронзы и камня служили женщинам своеобразным украшением, а его гигантские скульптурные воплощения воздвигались в специальных храмах. В целом этот культ как религиозную

³ Шашков С. С. История русской женщины. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. СПб., 1898. С. 796.

⁴ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 415.

доктрину можно считать исчезнувшим, однако следы его прочно хранят современная религия и культура. Жертва самооскопления, например, заменилась символическим действием — обрядом обрезания, который затем вошел в ислам; православная церковь празднует день обрезания Господня.

Немало следов фаллического культа и в светской жизни, хотя зачастую связь с ним сегодня угадывается с трудом. Мусульмане обсыпают молодоженов на свадьбе зернами злаковых и риса, во всем мире дарят цветы, но, конечно, вряд ли кому приходит в голову, что все это отзвуки культа — ведь в старину несущими божественную силу почитались половые органы и семя не только человека, но и растений.

А вот другой пример символического изображения фаллоса — так называемый кукиш (дуля, фи́га, шиш). Им манипулируют, вполне осознавая скрытую непристойность, но не отдавая себе отчета в том, каковы её истоки.

Сегодня многие «вербальные символы» воплотились в название матерных слов, произнесение которых вслух в общественных местах рассматривается как мелкое хулиганство и наказывается привлечением к административной ответственности. А «адресное» упоминание классифицируется уже как уголовное преступление, именуемое «оскорблением» (ст. 131 Уголовного кодекса РСФСР). Вот такие впечатляющие метаморфозы.

И все же, почему возник мат? В чем причины «перехода» некоторых «сексуальных» слов в разряд запретных? Какие объективные процессы порождают табу?

Попробую ответить на эти вопросы, используя метод аналогий. Начну с политического лексикона. Известно, что слова «революция», «Интернационал», «национальная независимость» в определенных ситуациях могут стать запретными, «ругательными», использоваться в качестве непечатной характеристики.

Приобретают значение бранных слов и отдельные термины естественных и точных наук. Например, не так давно слово «ген» в нашей стране считалось чуть ли не крамольным, а «генетик» или «кибернетик» пускались в ход как ругательство. (Это лишь выражение политической ситуации внутри государства, но отнюдь не доказательство того, что наука может генерировать брань, скорее она ее редуцирует.)

Из приведенных выше примеров видно, что появление (конституирование) мата не связано ни с политической борьбой (ибо ничьи политические интересы это не ущемляет)⁵, ни с религиозной деятельностью (поскольку эти понятия сами могут быть религиозными и, кроме того, в них нет атеистического импульса).

Так какова все же «социальная технология» порождения мата? В начале 20-го века в районе Куисленда (Австралия) было обнаружено племя аборигенов, в быту которых чрезвычайно большую роль играли запрещенные слова, обозначающие половые органы. Примечательно при этом, что существовало два варианта: одно слово считалось приличным и не вызывало особых эмоций, второе же расценивалось как непристойное. Иначе говоря, его можно назвать собственно матерным.

Видимо, корни возникновения мата следует искать уже на примитивной стадии эволюции человеческого общества. Пойдем дальше. Справедливо предположить: раз мат представляет собой непристойную часть лексики, которая описывает сексуальную сферу, то и возникновение его связано с какими-то процессами в развитии сексуальных и брачно-семейных отношений.

На ранних этапах становления человечества слова, которые касались половой сферы, носили нейтральный характер и лишь обозначали соответствующий орган или действие. Понятие «табу» восходит к тем временам, когда возникают примитивные религии — магия, анимизм, тотемизм, чья основная задача — регулировать общественные, в том числе семейно-брачные отношения.

Запрещается определенное поведение — а также те слова, которые подталкивают к нарушению табу, — появляется набедренная повязка. А затем, уже закрепляя табу, возникает чувство стыда, связанного с обнажением гениталий.

В восприятии древнего человека существовала более тесная, более непосредственная, нежели сейчас, связь между словом и реальностью, символом и действием. Рисуя на скале удачную охоту, человек как бы одновременно молил об удаче и программировал ее. Изобразить оленя — казалось очень близким к тому, чтобы его увидеть. Слишком эмоционально высказать желание — значило начать его удовлетворять. Поэтому слова, выразительно отра-

⁵ Впрочем, недавно мат имел некоторую «идеологическую нагрузку». «Я вспомнил, — пишет В. Леви, — как преподаватель литературы, заслуженный учитель и методист, объяснил нам в десятом классе, что мат — это пережиток капитализма. Материться после этого объяснения стали вдумчивее // Семья и школа. 1989. №3. С. 53—57.

жающие похоть, табуируются — нежелательное действие надо подавить в зародыше. (У тех, кто расписывает заборы и стены матом, срабатывают аналогичные механизмы — из-за низкого уровня культуры, духовного развития «пещерные художники» подсознательно стремятся нарушить существующие нормы полового поведения и хотя бы суррогатно, но дать выход своей сексуальной неудовлетворенности.)

Нежелательность действия порождает нежелательность даже интонационного намека на него, приводит к боязни слов, которые могут к нему подтолкнуть. А поскольку этот механизм реализуется через свод моральных предписаний и запретов, выступающих в оболочке примитивной религии, то, несколько схематизируя, можно сказать, что религия создает отчетливую границу мата и способствует тем самым его формированию как социального феномена.

Описанный переход совершался в течение длительного исторического периода, исчисляемого тысячелетиями. Сами половые органы еще не являются «мерзким» символом. Вспомним древнегреческий миф о разгневанной Деметре: развеселить ее удалось тому из богов, который показал ей свои гениталии. Уж если даже боги так шутят, то что же говорить о простых смертных?

Впоследствии, однако, юмор на эти темы становится неприличным и в основном фигурирует в анекдотах — целом материке субкультуры.

На смену примитивным религиям приходят мировые, в частности, христианство и ислам. Естественно, они продолжают эстафету: нарушение сексуально-брачной морали — тяжкий грех. Но и здесь надо объяснять, почему некоторые действия и слова постыдны.

Тысячелетняя история возникновения стыда, связанного с гениталиями, в библейской интерпретации заняла немного места. Змей-искуситель шепнул Еве... «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смаковные листья, и сделали себе опоясания».

Церковь стоит на страже частной собственности, права наследования, семейных устоев. «А те из ваших женщин, которые совершат мерзость... держите их в домах, пока не упокоит их смерть или аллах устроит для них путь», — написано в 4 суре Корана. В этой же суре дана подробнейшая инструкция по поводу того, с кем можно, а с кем нельзя вступать в половую связь. В соответствии с запретным действием, остаются запретными (непристойными) определенные помыслы и связанные с ними слова.

Попробуем свести сказанное о возникновении мата к формуле: «Дабы предупредить грех прелюбодеяния, нельзя произносить тех слов, кои с крайним чувством описывают: 1) сладострастное действие, 2) органы, посредством которых то действие осуществляется, а также 3) лиц, к оному действию зело склонных. От словоблудия к прелюбодеянию — один шаг». Табуирование действия приводит к табуированию слова. Не случайно в «Полной Исповеди по десяти заповедям Божиим и заповедям блаженства» в список грехов именно против седьмой заповеди включена «скверноматерная брань». Напомню, седьмая заповедь — «Не прелюбы сотвори» (т. е. «Не прелюбодействуй»).

Зависимость возникновения мата от характера семейно-брачных отношений подтверждается следующим примером. В силу определенного образа жизни, сложившегося под влиянием условий среды обитания, у чукчей и эскимосов не было жестких запретов в сексуально-брачной жизни. И что же? Слова, обозначающие интимные части тела, в языках этих народов не являются запретными или более неприличными, чем названия других органов. Более того, ласкательное обращение к мальчику имеет один корень с названием мужских гениталий.

Церковь боролась против половой греховности с начала ее (греховности) возникновения — против мыслей о грехе. А значит, поделиться ими втайне (т. е. в неподконтрольной ситуации) — это уже грех. «О вы, которые уверовали! Когда беседуете втайне, то не беседуйте о грехе... а бойтесь Аллаха, к которому вы будете собраны» (Коран, сура 58). И лучше, чтобы тайных бесед вообще не было: «Тайная беседа — от сатаны». Запретные слова становятся все более запретными.

Позднее эстафету полового регулирования принимает светская мораль. Она также отражает те социальные процессы, которые детерминируют развитие семейно-брачных отношений. Нарушение супружеской верности считается аморальным.

Общественный прогресс, рост социально-экономической независимости

женщины ознаменовал наступление «сексуальной революции». Нередко последнюю отождествляют с революцией социальной. Такую мысль высказывает, в частности, А. С. Макаренко в своих «Лекциях о воспитании детей». Вместе с тем, он же пишет в «Книге для родителей»: «В нашем обществе беспричинная, ни на чем не основанная любовь является безнравственной и чуждой нам категорией. ...В диалектике чувств социалистического общества любовь никогда не может быть основанием человеческого поступка». С одной стороны, утверждается, что «беспричинная» любовь (как и мат) могут существовать лишь в буржуазном обществе, а с другой — ставится знак равенства между социальной и сексуальной революцией.

Либерализация половой морали, связанная с такими тенденциями, как рост разводов, добрых и внебрачных контактов, раннее половое созревание и т. д., привела к исчезновению жестких табу из сферы сексуально-брачных отношений. Свободнее обсуждаются сексуальные вопросы, раздвигаются рамки применения сексуальной терминологии (не редкость, например, словосочетание «интеллектуальный оргазм»). Вместе с тем формируется, отражая потребности вербального поведения, новая сексуальная лексика. Возникает целый ряд слов-заменителей — вначале их употребляют представители отдельных социально-демографических категорий, молодежь, а потом усваивает и остальная часть населения.

Таким образом, в своем историческом движении мат прошел три стадии.

1. Возникновение слов, означающих гениталии, коитус и лиц с повышенной склонностью к коитусу (звучание этих слов нейтрально).

2. Регулирование сексуально-брачных отношений религией, табуирование наиболее выразительных слов, описывающих сексуальную сферу (слова эти крайне неприличны).

3. Регулирование сексуально-брачных отношений светской моралью (и правом), либерализация половой морали и увеличение нецензурного словоупотребления.

Разумеется, из сказанного не следует, что мат войдет во все сферы жизни и лишится своего статуса как явления неприличного. Бранные слова сохранятся, как сохранится чувство собственного достоинства, которое они задевают. Даже матерные, но ругательные выражения вряд ли станут обиходными. Вместе с тем существует целый ряд социальных и социально-психологических факторов, которые детерминируют развитие этого социального феномена.

Прежде всего речь идет о «падении нравов». Многие объясняют нынешнюю экспансию мата моральной деградацией общества, обусловленной застоем. Действительно, история знает немало примеров изменения общественного сознания, вызванного резким изменением состояния общества, его этической парадигмы. Оказавшись как бы на перепутье от старых нравственных устоев к новым, субъект (носитель) нравственности становится на какое-то время маргиналом, т. е., попросту говоря, «промежуточным» человеком. Именно в этот период, в ситуации этической неопределенности и растерянности, при отсутствии четких нравственных ориентиров возникает тенденция к сквернословью. Всплески ее имели место в революционные годы, в «хрущевскую оттепель», наблюдаются и сейчас, в годы перестройки, т. е. в те переломные исторические моменты, когда происходит смена (модернизация, трансформация, обновление) этической парадигмы и значительной части всего общественного сознания.

Необходимое дополнение: в «чистом» виде данная закономерность проявилась в европейской части СССР. В Средней Азии и Казахстане этическая составляющая общественного сознания представляет собой удивительный конгломерат феодально-традиционалистской, исламской, социалистической и частично даже буржуазной морали. Мат (тем более двуязычный) в этих регионах — предмет для особого разговора.

Еще одну социальную детерминанту «матоупотребления» описал Г. Гусейнов. Выделяя в языке три сферы — высокую (клятва, молитва), обыденную и низкую (проклятье, брань), он отмечает: «...В результате ускоренного процесса «вытряхивания» смысла из ключевых слов и оборотов, опустошения высокой языковой сферы, противоположный механизм с неумолимостью заставил носителя языка спуститься в низкую заповедную сферу, ибо... обращение к ней... всегда было залогом истинности высказывания... Сокращение языковой свободы и пустосвятство в больших сообществах стало компенсироваться в микрогруппах языковой разнузданностью, сквернословием». Сквернословят из-за стремления «сделать свое сообщение как можно более отчужденным от

⁶ Подобное отождествление находит своеобразное теоретическое развитие и в наши дни. По мнению Ш. Нуриева, например, способ производства оказывает решающее влияние на естественно-физиологические стороны семейной жизни, при этом воздействие осуществляется «через фильтр физиологических и кровнородственных отношений» // Советская семья: развитие и укрепление. Ашхабад, 1988.

официального, а тем самым — более достоверным»⁷.

В этом объяснении немало общего с «карнавальной» концепцией М. М. Бахтина, который считал, что ругательства и непристойности приводят к неформальности общения, служат сигналом о принадлежности к некоторой общности, создают атмосферу откровенности, отменяют иерархические барьеры.

Добавлю к сказанному и «комплекс социальной неполноценности», присущий отечественной интеллигенции. На мой взгляд, эта категория, именуемая в соответствии с представлениями о социальной структуре несколько пренебрежительно, — «прослойка», прибегает к мату, желая хоть как-то социально самоутвердиться, приобщиться к атрибутике, которая в обыденном сознании утвердилась как атрибутика гегемона.

В условиях нашей страны существовал и специфический социальный фактор, влияющий на распространение матерной лексики. В 50-е годы в широких слоях общества большой популярностью стал пользоваться «лагерно-уголовный романс», от которого берут свои истоки ранние А. Галич, В. Высоцкий, Б. Окуджава. Это была своего рода реакция на сталинские концлагеря. После 1956 г. как знак солидарности с репрессированными (тюрьма — следовательно, мат), как форма социального протеста (мат — значит противопоставление официозу) развитие мата получает еще один социальный импульс.

Все названные детерминанты «матоупотребления» пересекаются и взаимодействуют, образуя сложную и динамическую систему. Систему, в которой находится каждый из нас.

⁷ Гусейнов Г. Сколько не таимничай, а будет сказаться // Знание — сила. 1989. №1.